ОБЪ УЧИТЕЛЬСТВѢ

В'Ъ

ЦЕРКВИ ПРАВОСЛАВНОЙ

Протоіерея Петра Смирнова

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

СѴНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ

1894



Т43
37

ОБЪ УЧИТЕЛЬСТВѢ ВЪ ЦЕРКВИ ПРАВОСЛАВНОЙ.

Въ послѣднее время не разъ былъ возбуждаемъ въ обществѣ и печати вопросъ объ учительствѣ въ Церкви. Нѣкоторые ученіе вѣры и благочестія желаютъ слышать только или, по крайней мѣрѣ, преимущественно отъ лицъ посвященныхъ, другіе предоставляютъ свободу проповѣди вообще лицамъ знающимъ и просвѣщеннымъ, безъ различія званія и положенія. На чьей сторонѣ правда?

Вопросъ объ учительствѣ въ Церкви не только современный, но и весьма важный. О важности его говоритъ та великая сила, какую имѣетъ слово, въ особенности Божіе, въ нашей духовной жизни. Мы знаемъ эту силу, но, кажется, не вполнѣ, не всегда сознаемъ ее, какъ должно, не думаемъ о ней, какъ заслуживаетъ ея важность, а знать и сознавать ее должно для пользы своей и другихъ. Есть глубокое соотвѣтствіе между міромъ духовнымъ и міромъ вещественнымъ. Высокіе умы прозрѣвали въ эту таинственную связь неба и земли, но съ ясностію осязательною указуетъ ее Божественный нашъ Учитель въ Своихъ дивныхъ притчахъ. Въ самой первой изъ нихъ и какъ бы господственной надъ всѣми ими сказано: *Сѣмя есть слово Божіе* (Лук. 8, 11). Какимъ другимъ словомъ яснѣе и рельефнѣе можетъ быть выражена сила слова? Что на нивѣ

*) Читано въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго братства во имя Пресвятыя Богородицы, бывшемъ по случаю десятилѣтія его существованія, 1 мая 1894 года.

сѣмя, то въ душѣ нашей слово. Что такое сѣмя?—Начало жизни. Нѣтъ сѣмени, нѣтъ и корня, и ростка, и листьевъ и плодовъ. *Не доброе ли сѣмя Ты посѣялъ на полѣ, откуда же плевелы*, спрашиваютъ въ другой притчѣ слуги Господина. Итакъ, сѣмя должно быть сѣемо только доброе, чистое, отборное. Если и при этомъ добромъ посѣвѣ возможно произрастаніе плевелъ, сѣемыхъ врагомъ, что же будетъ, если въ душѣ человѣка только эти плевелы и будутъ посѣяны и совсѣмъ заполонятъ душу? Какъ только представимъ себѣ мысленно эту страшную силу слова, ужасъ беретъ и за себя, и за многихъ, многихъ другихъ. Чѣмъ ежедневно засѣвается нива сердецъ нашихъ, при нынѣшней свободѣ и распространенности печатнаго слова? Сколько сору, недомыслія, пустомыслія, шутокъ, прибаутокъ, иногда прямыхъ и явныхъ соблазновъ, мыслей кощунственныхъ и лживыхъ ежедневно наносится на эту печальную, у многихъ совершенно заброшенную, ниву? Гдѣ средства для очищенія этой несчастной нивы? Въ томъ же словѣ Божіемъ; оно обладаетъ силами сверхъ-естественными. По изъясненію Священнаго Писанія, оно, какъ мечъ, проникаетъ до раздѣленія души и духа и судитъ чувства наши и помышленія сердечныя (Евр. 4, 12); какъ молотъ, разбиваетъ наши каменныя сердца и извлекаетъ изъ нихъ слезы умиленія и покаянія;—какъ огонь, пожигаетъ въ насъ всѣ нечистоты сердечныя (Іоан. 15, 3); какъ свѣтильникъ, сіяетъ въ душѣ нашей, темной и мрачной (2 Петр. 1, 10), указуя путь жизни къ видиѣющейся вдали тихой пристани. Итакъ, вотъ какое значеніе имѣетъ то слово истины, о которомъ идетъ споръ, кому его возвѣщать. Кому же его возвѣщать?

Въ той же притчѣ о Сѣятелѣ Господь сказалъ: *Сѣявый доброе сѣмя есть Сынъ Человѣческій.* Итакъ, вотъ кто Сѣятель слова. По Чьему слову явились на новозданной землѣ, еще прежде созданія солнца и луны, *быліе травное, сѣющее сѣмя по роду и по подобію, и древо плодовитое творящее плодъ*, Имъ

же, самосущимъ Словомъ Божіимъ, сѣется въ нашей душѣ— и это сѣмя жизни. По любви къ намъ, единородный Сынъ Божій сталъ Сыномъ Человѣческимъ, для того, чтобы, между другими благодѣяніями, послѣ многихъ ветхозавѣтныхъ откровеній, вновь Самому лично возвѣстить и преподать намъ это спасительное и цѣльбоносное слово. Открытіе истины заблудившимся во тьмѣ невѣрія и суевѣрія—одна изъ великихъ цѣлей Искупленія, такая же, какъ взять на Себя грѣхи наши и примирить насъ съ правосудіемъ Божіимъ. Пророки издалека видѣли и радостно привѣтствовали эту милость Господню, указывая въ то же время, что открытіе истины не зависитъ отъ средствъ и способовъ распространенія просвѣщенія человѣческаго, подобно тому, какъ и въ началѣ міра ростъ и цвѣтъ растеній не зависѣли отъ свѣта и теплоты солнечныхъ, безъ которыхъ, по нашему человѣческому представленію, они и быть не могутъ. Не славныя Аѳины и Александрія, не могучій Римъ избраны мѣстомъ для возсіянія свѣта истины въ мірѣ, а малоизвѣстная страна и въ ней наиболѣе темная часть. «*Земля Завулоня и земля Нефѳалимля, путь моря объ онъ полъ Іордана, Галилеа языкъ, людіе сѣдящіи во тмѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсія имъ* (Мѳ. 4, 15—16).

Итакъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть не только первый Учитель въ мірѣ христіанскомъ, но и единственный. Единъ Искупитель, единъ и Учитель. Эту истину Господь внушаетъ намъ съ особою настойчивостію: *вы не называйтесь*, говоритъ Онъ, *учителями, ибо одинъ у васъ учитель—Христосъ, всѣ же вы братія* (Матѳ. 23, 8). *Идите*, сказалъ Онъ апостоламъ, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, *уча ихъ блюсти все, что Я заповѣдалъ вамъ* (Матѳ. 28, 19—20). Особою цѣлію ниспосланія Святаго Духа на апостоловъ представляется, чтобы Онъ воспомянулъ имъ все, что говорилъ Христосъ (Іоан. 14, 26). Въ словѣ Господа обнаруживается и дѣйствуетъ царственная Его сила. *Цар-*

ство Мое не отъ міра сего. Гдѣ же? въ чемъ? *Азъ на сіе родихся и на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину, и всякъ иже есть отъ истины, послушаетъ гласа Моего* (Іоан. 18, 37). Итакъ, далеко не безразлично слушать того или другого учителя, читать ту или другую книгу. Вниманіемъ къ истинѣ Христовой свидѣтельствуется послушаніе Христу, удостовѣряется принадлежность къ Его царству.

Но Господь, Учитель истины, вознесся на небо. Кто же теперь возвѣщаетъ слово Его? Апостолы, которымъ Онъ ниспослалъ Святаго Духа, да воспомянетъ имъ все, что Онъ говорилъ имъ, когда былъ съ ними? Да, безъ сомнѣнія, писанія святыхъ Апостоловъ богодухновенны. Каждое слово ихъ истина. Однакоже, было время, когда всѣ христіане не знали точно, какія именно апостольскія писанія, и такія недоумѣнія продолжались не годъ, не два а цѣлыя столѣтія, пока не опредѣлился канонъ новозавѣтныхъ священныхъ книгъ. Многіе выдавали свои человѣческія измышленія за богодухновенныя, свои писанія за апостольскія. Значитъ, чей-то авторитетъ нуженъ былъ въ мірѣ для суда о самихъ писаніяхъ апостольскихъ. Кто-то долженъ былъ указать желающимъ духовнаго просвѣщенія: вотъ это читайте и принимайте съ вѣрою; все, здѣсь содержащееся—ученіе апостольское, истинно богодухновенное; а это евангеліе или посланіе не есть подлинное. Чей же это авторитетъ? Кому Господь ввѣрилъ охраненіе истины открытой Имъ, и наблюденіе за ея цѣлостію и чистотою? Всѣ мы хорошо знаемъ эту хранительницу и провозвѣстницу истины—святую, соборную и апостольскую Церковь, которую Господь оградилъ обѣтованіемъ неразрушимости и къ которой заповѣдалъ обращаться, какъ къ высшему судіи, для разрѣшенія недоумѣній и споровъ, касающихся вѣры.

Знаемъ, но слышимъ вопрошающихъ: кто же въ Церкви возвѣщаетъ слово Христовой истины? На сіе должно отвѣтить: прежде всего Церковь, сама непосредственно, безотносительно

къ посвященнымъ и непосвященнымъ ея сынамъ. Сторонники учительства мірянъ говорятъ: и священники и даже епископы погрѣшали, изъ среды ихъ выходили злые еретики. Да, выходили. Поэтому то Господь и не ввѣрилъ сокровища истины никому изъ людей, какъ бы кто ни былъ уменъ и какимъ бы высокимъ званіемъ ни былъ облаченъ. Никто, ни одинъ человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, не можетъ сказать: да, я учитель истины непогрѣшимый. Притязаніе папъ быть непогрѣшимыми—явное и тяжкое заблужденіе. Апостолъ говоритъ даже болѣе, нѣчто страшное. *Если бы даже мы или ангелъ съ неба стали благовѣствовать вамъ не то, что вы приняли, да будетъ анаѳема* (Гал. 1, 8). Какая изумительная забота у апостола Христова объ охраненіи истины! Опасливая за истину благовѣстія мысль простирается вглубь небесъ! *Да будетъ анаѳема,*— страшныя слова, но какой же и вредъ дѣлаютъ превращающіе благовѣствованіе Христово—это единое и существенное средство нашего духовнаго просвѣщенія. Поэтому сокровище истины Господь не ввѣрилъ ни человѣку, ни даже ангелу, но ввѣрилъ Церкви, или, вѣрнѣе сказать, удержалъ его на всегда за Собою, и, царствуя въ Церкви, Самъ непосредственно возвѣщаетъ слово истины. Каждый день мы слышимъ Его въ святомъ Евангеліи: это Его собственное слово, знаемъ гласъ нашего Верховнаго Пастыря. Это слово господственное: Царь говоритъ подданнымъ, Отецъ дѣтямъ, Учитель ученикамъ. Все остальное должно ему соотвѣтствовать, и въ истинной, православной Церкви находится въ такомъ дивномъ соотвѣтствіи, которое обнаруживаетъ не человѣческую, а божественную силу охраненія и возвѣщенія истины.

Святый Ириней, епископъ Ліонскій, еще во 2-мъ вѣкѣ писалъ, что апостолы въ Церковь, какъ въ нѣкую богатую сокровищницу, въ полнотѣ положили все, что принадлежитъ истинѣ, такъ что каждый желающій можетъ получать отъ нея питіе жизни (противъ ересей кн. 3, гл. 4). Итакъ, и тогда,

17 вѣковъ назадъ. Церковь была уже богатою сокровищницею. Но вотъ уже 19 вѣковъ проходитъ, и каждый вѣкъ принесъ ей плоды своего дѣланія, силою благодати Господней, подъ ея живительною сѣнію. IV вѣкъ въ особенности называется свѣтоноснымъ и плодотворнымъ. Въ это время по истинѣ обогатили Церковь великіе вселенскіе святители и многіе другіе отцы и учители. Не менѣе плодотворны, только въ другомъ отношеніи, были вѣка VII и VIII, когда, по уясненіи главныхъ вопросовъ вѣры на вселенскихъ соборахъ, высоко воспарила мысль христіанская, съ особою силою забилось сердце, чудные образы, дивные звуки предносились уму и сердцу избранниковъ. Сколько истинной, глубокой, неотразимо дѣйствующей на сердце поэзіи въ дивныхъ канонахъ святаго Іоанна Дамаскина и тѣхъ гласахъ, которые избралъ онъ для пѣній и пѣсней духовныхъ, и у другихъ пѣснописцевъ—Косьмы Маюмскаго, Андрея Критскаго, Романа Сладкопѣвца, дѣвы Кассіи. Проходятъ вѣка, богатство Церкви растетъ и множится. Какое сокровище принесли Церкви въ прошедшемъ вѣкѣ святый Димитрій Ростовскій въ своихъ Четьихъ Минеяхъ и сладкозвучныхъ словахъ и псальмахъ и святитель Тихонъ въ своихъ глубоконазидательныхъ твореніяхъ. Припомнимъ, что сдѣлано для благоукрашенія Церкви въ ближайшее къ намъ время. Высоко художественное по составу и глубокое по мысли и чувству, молебствіе въ день Рождества Христова и въ воспоминаніе изгнанія галловъ и съ ними двадесяти языкъ—не забудется и въ отдаленныхъ вѣкахъ. Слова и рѣчи митр. Филарета, каноническія и иныя указанія и объясненія, это также богатое достояніе Церкви—на всѣ вѣка ея послѣдующей жизни. Сколько въ самые послѣдніе годы принесъ въ даръ Церкви почившій въ семъ году епископъ Ѳеофанъ, двадцать восемь лѣтъ неутомимо подвизавшійся въ затворничествѣ на пользу ея—также вѣковѣчную. Это въ области богословія. Но, мнѣ кажется, никогда не потеряютъ своего значенія и эти чудные задостойники протоіерея Турчанинова, и

это дивное пѣснопѣніе «Тебе дѣющагося свѣтомъ, яко ризою» и другія знаменитыя музыкальныя произведенія нашего времени. Такъ и изъ нашего вѣка—вѣка смуты умовъ и невѣрія—многіе слова, звуки и образы перешли въ достояніе Церкви, останутся навсегда ея украшеніемъ. И вотъ стоитъ Церковь въ мірѣ, преукрашенная и возвеличенная, по истинѣ, невѣста Христова! Какое царство, какой народъ могутъ представить такое изобиліе, такое богатство всего, что относится къ просвѣщенію умовъ и сердецъ человѣческихъ? Какая сила, какая твердыня могутъ быть приравнены къ этому столпу и утвержденію истины?

Итакъ, сіяніе въ мірѣ истины Христовой въ Церкви для всего міра охранено и обезпечено. Каковы бы ни были злоухищренія врага къ совращенію людей съ пути праваго, они разобьются объ этотъ несокрушимый столпъ. Едва ли была когда-либо такая смута умовъ, какую произвелъ раціонализмъ послѣднихъ вѣковъ, но истина Христова въ церкви сохранена и видимо для всѣхъ плѣняетъ умы въ послушаніе вѣры. И мощное слово Церкви раздается всюду, гдѣ только распростерла она шатеръ свой. Представимъ самую захудалую весь въ какомъ-либо отдаленномъ, положимъ, Верхоленскомъ уѣздѣ, Иркутской губерніи. И тамъ слышатъ людіе Божіи и слово евангельское, и пѣснь Андрея Критскаго, и дивный канонъ «Волною морскою» и чудную пасхальную утреню. Тамъ, въ семьѣ бѣднѣйшаго причетника, возникъ апостолъ для еще болѣе отдаленныхъ странъ Россіи; тамъ, внѣ всякихъ иныхъ пособій и средствъ со стороны человѣческой мудрости, онъ воспитался въ строжайшемъ духѣ вѣры и благочестія и пяти лѣтъ отъ роду уже читалъ въ Церкви къ утѣшенію и назиданію своихъ бѣдныхъ сельчанъ.

Важно, конечно, живое слово современнаго учителя вѣры; работа мысли богословской и художественно-поэтической безпрерывно продолжается: иначе не было бы и скопленія такихъ

умственныхъ богатствъ въ Церкви. Должны и предь прибывать и умножаться сіи сокровища. Но не думайте, чтобы отъ краснорѣчія того или другого человѣка зависѣло дѣло христіанскаго просвѣщенія и спасенія. Живое слово современнаго проповѣдника истины въ Церкви одно изъ многихъ средствъ дѣйствія на душу; нѣтъ его здѣсь или тамъ—дѣйствуютъ другія средства. Церковь всевозможными способами, и чрезъ священнодѣйствіе, и чрезъ обстановку и благоуханіе храма, и чрезъ чтеніе и пѣснопѣнія, сѣетъ въ мірѣ добрыя сѣмена, и для каждаго внимательнаго и покорнаго члена ея потребное для души его просвѣщеніе истиною обезпечено.

Когда представимъ себѣ все это—и значеніе слова истины, какъ сѣмени жизни, и единый Божественный источникъ, изъ коего истекаетъ струя жизни для обновленія падшаго человѣчества, и эту побѣдительную силу Церкви и ея царственное величіе, споры и препирательства объ учительствѣ въ Церкви представляются крайне жалкими. Стоитъ наша царственная Мать и не иначе, какъ съ великою скорбію, можетъ смотрѣть, какъ эти слабыя дѣти ея оспариваютъ другъ у друга право говорить и писать и силятся перекричать одинъ другаго... Были во всякое время люди заблуждавшіеся, изрекавшіе ложь вмѣсто истины. Но въ прежнее время не было этого жалкаго препирательства о томъ, кому возвѣщать ученіе. Всякій вѣрный сынъ Церкви трудился, сколько могъ, на ея пользу. Лучшее усвоялось ею и поступало въ ея вѣчную собственность, и имена этихъ избранниковъ Божіихъ съ высоты небесъ сіяютъ передъ нами: Василіи, Григоріи, Іоанны въ теченіе многихъ вѣковъ льютъ намъ свѣтъ истины. Тамъ же, какъ звѣзды на тверди небесной, красуются и сіяютъ намъ и Константинъ и Елена, и Нина, и Владиміръ, и Ольга, и Антоній, и Пахомій, и Ѳеодосій Великіе, не принадлежавшіе къ составу клира церковнаго. Препирательство объ учительствѣ въ Церкви—явленіе болѣе позднихъ вѣковъ. Вопросъ этотъ выдвинутъ противобор-

ствующими православію съ двухъ разныхъ даже противоположныхъ сторонъ—католичествомъ и протестантствомъ. «Я только могу учить, говоритъ священникъ въ церкви католической, міряninъ не вправѣ и развертывать Библіи». «Читать и толковать Библію можетъ каждый по своему собственному усмотрѣнію и разумѣнію, и я самъ ничѣмъ не стѣсненъ въ своемъ личномъ мнѣніи о томъ и другомъ вопросѣ вѣры» говоритъ пасторъ лютеранскій. Какъ это притязаніе священника быть единымъ учителемъ народа, такъ и эта всеобщая свобода въ возвѣщеніи истинъ откровеннаго ученія, которыя не напрасно ввѣряются особой охранѣ Церкви,—одинаково противны духу православія.

Кто же наконецъ долженъ возвѣщать истину Христову? Всѣ, какъ вѣрныя и послушныя чада Церкви, и каждый въ своей мѣрѣ. Есть выразительное славянское слово: «мѣрность». Здѣсь въ одно и то же время означается и глубокое смиреніе того, на кого падаетъ долгъ учительства, и чувство мѣры данной ему силы...

Смиреніе, въ которомъ соединяется искренняя любовь къ Богу и ближнему съ искреннимъ послушаніемъ Церкви,—это внутренняя сторона учительства. Оно дѣлаетъ подвигъ учительства благоугоднымъ Богу и истинно благополезнымъ. Кроткое слово вразумленія, обличенія, наученія, съ благословеніемъ Божіимъ, дѣйствуетъ на сердце неотразимо и назидаетъ во спасеніе. Это условіе—необходимое для учительства всѣхъ и каждаго, кто бы онъ ни былъ, міряninъ или священникъ. Съ теченіемъ вѣковъ выработались особые пріемы для увѣщанія и вразумленія собственно церковнаго. Есть особая наука, какъ бережно должно обращаться съ сокровищемъ истины, и потребно не малое духовное искусство и навыкъ опыта, чтобы умѣть сообщить ее нуждающемуся въ просвѣщеніи. Фельетонная размашистость пера, надутая или хлесткая фраза, рѣзкость тона—видимо не сообразны съ существомъ

дѣла. Вообще дѣло учительское не легкое дѣло и требуетъ большого вниманія, опытности и благоразумія. Надо иногда много и много подумать, что̀ кому сказать и какъ сказать. Что касается мѣры въ дѣлѣ учительства, то она и канонами Церкви, и практикою церковною, и исторіею Церкви, и духомъ православія указуется довольно ясно, чтобы могли быть еще споры о семъ.

Есть общіе виды учительства, обязательные и для мірянина, и для священника, и есть частные виды, въ которыхъ священникъ отдѣленъ отъ мірянина.

Научить невѣдущаго, предупредить не видящаго опасности, утѣшить огорченнаго, подать добрый совѣтъ въ затрудненіи, обличить и вразумить заблуждающагося—эти виды учительства указуются всѣмъ и каждому заповѣдію о милосердіи, какъ это всѣмъ и каждому изъясняется въ катихизисѣ.

Особенное значеніе имѣетъ учительство въ тѣсныхъ предѣлахъ семьи христіанской. Отцу и матери не только общая заповѣдь о милосердіи, но и прямой долгъ родительскій внушаютъ воспитывать въ вѣрѣ дѣтей ихъ. И всѣ члены христіанской семьи должны утверждать другъ-друга въ благочестіи. Въ этомъ отношеніи доброй христіанской семьѣ апостолъ Павелъ усвояетъ наименованіе *домашней церкви* (Рим. 16, 4).

Засимъ особенныя обязанности вразумленія въ истинѣ указуются особенными положеніями людей въ обществѣ. Нѣкоторыя лица призываются къ сему по силѣ особыхъ талантовъ, образованія и другихъ преимуществъ.

Болѣе знающій долженъ послужить своимъ знаніемъ нуждающимся въ просвѣщеніи истиною. Въ этомъ отношеніи не иначе, какъ съ любовію и благословеніемъ, Церковь относится къ ученымъ изслѣдованіямъ по тѣмъ и другимъ вопросамъ, касающимся вѣроученія, ученія о нравственности, церковной исторіи и археологіи, къ опытамъ изъясненія Священнаго Писанія. Здѣсь не полагается различія, будетъ ли извѣстное

сочиненіе принадлежать священнику и даже епископу, или профессорамъ духовныхъ академій и наставникамъ семинарій и училищъ, или же лицамъ вообще образованнымъ, не имѣющимъ отношенія къ духовной школѣ. Берется во вниманіе достоинство изслѣдованій и вѣрность ихъ истинѣ, хранимой Церковію.

На сколько можетъ вліять слово и примѣръ людей, стоящихъ во главѣ управленій, извѣстно каждому. У насъ, на святой Руси, замѣчено, что міряне были иногда даже передовыми двигателями принятія и распространенія вѣры Христовой. Слѣдуя примѣру равноапостольнаго князя Владиміра, шелъ князь въ словенскую ли область или инородческую, и велъ за собою священника удовлетворять духовнымъ нуждамъ сперва своихъ, а потомъ и чуждихъ, и подклонять ихъ подъ благое иго Евангелія. Люди богатые, движимые любовію христіанскою, основываютъ школы, даютъ имъ учебныя пособія и тѣмъ съ своей стороны также служатъ дѣлу добраго христіанскаго просвѣщенія.

Уже изъ намѣченныхъ сторонъ учительства видно, что міряне не только допускаются къ учительству въ Церкви, но и съ любовію пріемлются Церковію, которая добрѣ трудящимся испрашиваетъ и ниспосылаетъ благословеніе свыше. Но изъ сихъ же сторонъ видно, что учительство сіе имѣетъ значеніе только подготовительное и вспомогательное. И тутъ, и здѣсь, и тамъ за учителемъ мірянином виднѣется священникъ. Добрая мать научитъ дитя молитвамъ и затѣмъ приводитъ его къ священнику учить закону Господню. Князь идетъ воевать ту или другую область и ведетъ за собою священника. Наставникъ трудится надъ изслѣдованіемъ того или другого научнаго въ области богословской вопроса для просвѣщенія въ особенности лицъ готовящихся къ принятію священства, Самъ священникъ чувствуетъ громадную разницу, самъ ли отъ себя онъ говоритъ, или говоритъ отъ лица Церкви. Тамъ можно позволить себѣ высказать какое либо предположеніе, строить

гипотезы, бросить свой собственный личный взглядъ на тотъ или другой вопросъ вѣры и жизни, позволить себѣ вообще нѣкоторую свободу мысли, вознестись на крыльяхъ фантазіи; тамъ онъ стоитъ наравнѣ съ другими собратіями по профессіи писательства. Здѣсь, на каѳедрѣ церковной, этого допустить нельзя, здѣсь надобно говорить одну только чистую истину и самую сущую правду. Такъ, кромѣ чрезвычайно широкой области общаго учительства въ Церкви, есть болѣе опредѣленная область учительства собственно церковнаго. Здѣсь имѣютъ значеніе—особенное призваніе и поставленіе на это именно дѣло проповѣди церковной и ниспосланіе избранному для сего божественной благодати, а въ степени епископской, отъ которой принимаетъ священникъ рукоположеніе, и прямое преемство отъ апостоловъ, первыхъ провозвѣстниковъ слова Христова. *Никтоже самъ себѣ пріемлетъ честь, но званный отъ Бога, якоже и Аарон*ъ. (Евр. 5, 4). *Аще благовѣствую, нѣсть ми похвалы, нужда бо ми належитъ, горе же мнѣ, аще не благовѣствую.* (1 Кор. 9, 16). *Како проповѣдятъ, аще не послани будутъ?* (Рим. 10, 15).

Собственно церковное учительство не дается всѣмъ членамъ клира вровень и имѣетъ также свои виды. Дѣло возвѣщенія истины въ нѣкоторой мѣрѣ довѣряется и низшимъ членамъ клира, и затѣмъ чѣмъ выше идутъ степени, тѣмъ болѣе дается довѣрія и полномочій въ возвѣщеніи истины.

Нѣкто, сторонникъ учительства мірянъ, начиная дѣло издалека, сперва длиннымъ рядомъ соображеній доказываетъ, что мы, ближайшіе служители Церкви, якобы не правильно называемся духовенствомъ, а должны называться клириками. Затѣмъ, основываясь на комментаріи Валсамона къ Номоканону Фотія, доказываетъ, что клириками называются не одни пресвитеры и діаконы, но чтецы и пѣвцы, и наконецъ переходитъ къ сути дѣла. «Что же, спрашиваетъ онъ, ужели всякій пѣвецъ и чтецъ, всякій пономарь и дьячекъ есть уже учи-

тель Церкви, и къ нимъ для разрѣшенія всякаго религіознаго вопроса и сомнѣнія долженъ обращаться вѣрующій міряниnъ для наученія, какъ къ представителямъ церковнаго авторитета? Ужели имъ ввѣрено учительство церковное, опредѣленіе истины церковной и руководствованіе душъ на путь ко спасенію?» (ст. Н. П. Аксакова «Не угашайте духа». «Русское Обозрѣніе». Февраль, стр. 453). Авторъ, очевидно, не принимаетъ въ разсчетъ различія степеней церковныхъ въ дѣлѣ учительства. Чтецу и пѣвцу дано чтеніе молитвъ, псалмовъ, другихъ книгъ Писанія, даже Апостола, пѣніе стихиръ, тропарей и другихъ пѣсней духовныхъ, и когда они возглашаютъ слова псалма или посланія апостольскаго, внимай и ихъ слову, внимай священной пѣсни, ими возглашаемой. Каждому извѣстно, какія добрыя впечатлѣнія производитъ въ душахъ вѣрующихъ внятное и раздѣльное чтеніе, и именно по церковному, и благоговѣйное, умилительное пѣніе. Но чтецамъ и пѣвцамъ не ввѣрено пастырства душъ, а опредѣленіе истины церковной превышаетъ мѣру не только священника, но даже и епископа. Идемъ далѣе. Діакону дозволяется чтеніе не только Апостола, но даже Евангелія, которое подается ему съ престола, и онъ отъ лица Церкви возвѣщаетъ ученіе истины собственными словами Господа Спасителя. Діаконамъ, какъ ближайшимъ помощникамъ священника, дается право читать и съ церковной каѳедры поученія святыхъ отцевъ и учителей церкви, а нѣкоторымъ изъ нихъ, въ силу полученнаго ими образованія, право и собственнаго составленія поученій, но подъ ближайшимъ руководствомъ священника. То же и при томъ же условіи дозволяется и окончившимъ семинарскій курсъ псаломщикамъ.

Священникъ призывается не только къ возвѣщенію Евангелія, но и къ собственному проповѣданію слова Божія для ввѣренныхъ его пастырской заботѣ, въ зависимости отъ епископа и по благословенію его. Это болѣе долгъ, долгъ тяжелый и отвѣтственный, чѣмъ право, могущее возбуждать чью-

либо ревность. Посмотрите, какія требуются условія, чтобы быть удостоеннымъ этого права проповѣди церковной, и какими способами это право ограждается отъ злоупотребленія имъ. Рожденіе въ благочестивой семьѣ, большею частію въ семьѣ служителей церкви, съ самыхъ первыхъ лѣтъ особенная близость къ церкви и проникновеніе ея духомъ, длинная и трудная школа, въ особенности направленная къ выдержкѣ характера и философско-богословскому образованію ума, тщательное испытаніе и чрезъ экзаменаторовъ разнаго рода, и отъ духовника особо у архіерея довѣреннаго—все это предшествуетъ священной хиротоніи, въ которой призывается на избраннаго божественная благодать Святаго Духа, немощная врачующая и оскудѣвающая восполняющая. Засимъ это ежедневное предстояніе священника у престола Божія, постоянное цѣложизненное назиданіе чрезъ чтеніе слова Божія и слышаніе церковныхъ пѣснопѣній, совершеніе таинствъ, даже такая частность, какъ назначеніе опредѣленнаго для проповѣди времени: прежде поученія говорились тотчасъ по прочтеніи Евангелія и симъ внушалось: «смотри, возвѣщай не свое измышленіе, а слово Евангелія, или: знаешь ли, что проповѣдуешь,—ты проповѣдуешь истину Христову»; теперь говорятъ тотчасъ по причащеніи святыхъ Таинъ: кто и изъ непризванныхъ къ проповѣданію осмѣлится въ эти минуты сказать что-либо противное истинѣ? Далѣе—этотъ бдительный надзоръ епископа и лицъ, особо для сего отъ него уполномоченныхъ, и этотъ отовсюду надзирающій глазъ православнаго народа, да, отовсюду надзирающій: себѣ все прощаютъ и разрѣшаютъ и во грѣхъ даже не ставятъ, а за нами изъ всѣхъ угловъ зорко смотрятъ, какъ бы кто въ чемъ не провинился, и этотъ ежедневный страхъ суда и смерти, въ виду почти ежедневно напутствуемыхъ въ жизнь вѣчную—все это такія ручательства за соблюденіе чистоты проповѣдуемаго въ Церкви православной слова, болѣе которыхъ, кажется, и придумать невозможно.

Епископъ не только проповѣдуетъ, но и смотритъ, какъ проповѣдуется слово Божіе подвластнымъ ему священствомъ, и всѣ-ли соблюдаются возложенныя на каждаго въ этомъ и другихъ отношеніяхъ обязанности, не только возвѣщаетъ, но и право правитъ слово истины Христовой. Этому высшему и наиболѣе уполномоченному служителю слова, чтобы удостоиться довѣрія Церкви, нужно пройти еще большій путь приготовленія, чѣмъ священнику, и сверхъ всего понести иго Христово въ иноческомъ отреченіи отъ міра. Предъ посвященіемъ въ санъ, онъ поставляется предъ сонмомъ епископовъ, пространно исповѣдуетъ догматы вѣры и даетъ обѣтъ и даже клятву блюсти ихъ во всей чистотѣ и полнотѣ. Чтобы обезпечить ему возможность такого соблюденія истины въ своей епархіи, каноны церковные воспрещаютъ даже епископу проповѣдывать въ церкви, безъ вѣдома и согласія той области архипастыря.

Но и надъ епископомъ возвышается судъ собора помѣстнаго, надъ симъ судъ вселенскаго собора, въ которомъ высказывается уже голосъ всей Церкви. И во всемъ опредѣленномъ кругѣ учительства церковнаго всѣ члены клира дѣйствуютъ отъ лица Церкви, по ея довѣрію и уполномочію, подъ ея надзоромъ и руководствомъ, за ея отвѣтственностію предъ живодавцемъ Христомъ.

Кто не согласится, что важное значеніе слова истины Христовой, какъ сѣмени жизни, требуетъ такого именно бдительнаго охраненія? Но не въ сихъ человѣческихъ гарантіяхъ, какъ ни важны онѣ, столпъ и утвержденіе истины, а въ божественномъ водительствѣ Духа Божія и въ томъ управленіи Церковью, которое держитъ непосредственно въ Своей десницѣ верховный Глава ея.

Руководимое свыше, строго огражденное въ своихъ правахъ и обязанностяхъ, собственно церковное учительство даетъ тонъ и направленіе общему учительству въ Церкви. Послѣднее

имѣетъ значеніе, силу и достоинство только въ согласіи съ первымъ. Иначе оно тотчасъ же пойдетъ въ сторону и, вмѣсто распространенія истины въ мірѣ, сдѣлается орудіемъ врага для сѣянія плевелъ на нивѣ Господней. Въ силу высшихъ законовъ правды, не только допускается сѣяніе этихъ плевелъ, но плевеламъ симъ дается и расти на этой нивѣ купно съ пшеницею до жатвы, т. е. до конца міра. Въ какой мѣрѣ въ теченіе вѣковъ наполняется богатство въ царствѣ истины, въ такой же мѣрѣ возрастаетъ и сила лукаваго въ средствахъ и способахъ обольщенія. Тѣ ужасы анархизма, та манія самоубійствъ, отъ которыхъ такъ страждетъ нашъ вѣкъ,—нѣчто неслыханное и невообразимое для предшествовавшихъ вѣковъ, а что будетъ далѣе—вѣдаетъ одинъ Богъ. Поэтому съ самаго начала Церкви появлялись въ средѣ христіанъ люди, которые подъ видомъ истины сѣяли въ ней ложь и заблужденіе. Характеристическія черты этихъ сперва самозванныхъ, а затѣмъ и ложныхъ учителей—гордость, весьма часто соединявшаяся съ наружнымъ смиреніемъ и даже съ подвигами аскетизма, такъ называемая духовная гордость, злѣйшая изъ всѣхъ ея видовъ, и противленіе богопреданному чину Церкви, дерзкое пренословіе высшимъ властямъ. Какъ истинныхъ проповѣдниковъ слова руководилъ и наставлялъ на всякую истину Духъ Святый, такъ и извѣстныя по исторіи дѣйствія самозванныхъ и ложныхъ учителей не объяснимы безъ допущенія злой силы, которая ихъ ослѣпляетъ, волнуетъ, направляетъ противъ истины, ожесточаетъ до фанатизма. Самомнѣніе, упорство, клокочущая въ сердцѣ ненависть, ожесточенность до послѣднихъ минутъ жизни въ нихъ изумительныя. Апостолъ Іоаннъ Богословъ въ третьемъ посланіи говоритъ: «я писалъ церкви, но любящій первенствовать у нихъ, Діотрефъ, не принимаетъ насъ, понося насъ злыми словами, и не довольствуясь тѣмъ, и самъ не принимаетъ братьевъ, и запрещаетъ желающимъ, и изгоняетъ изъ церкви.»—Вотъ образчикъ предвосхищенія церковнаго

учительства во времена апостольскія. По любви къ первенству, самовольно взявши на себя руководительство церковію, Діотрефъ не принимаетъ: кого же?—избраннаго изъ самихъ двѣнадцати апостоловъ, друга Христова, Богослова по превосходству. Тайновидца, главу новозавѣтныхъ пророковъ, не уважаетъ его посланія, порицаетъ его, не пріемлетъ пріемлемыхъ апостоломъ, запрещаетъ другимъ принимать ихъ и изгоняетъ ихъ изъ церкви (Слова Филарета М. М. IV, 375). Примѣръ поучительный на всѣ времена, какъ надо охранять и беречь дѣло церковнаго учительства и какъ тщательно должно наблюдать за собою, какъ бы не погрѣшить въ любви и не увлечься гордостію, не преступить своего чина и въ особенности не встать въ противленіе Церкви. Апостолъ Іаковъ пишетъ: *не мнози учители бывайте, братіе мои, вѣдяще, яко большее осужденіе пріимемъ: много бо согрѣшаемъ вси* (3 гл., 1, 2). Если Апостолъ, призванный и свышевдохновенный учитель, поставляетъ себя въ этомъ дѣлѣ подъ страхъ осужденія, то какъ должно быть страшно это дѣло для всякаго другого. Призванные къ учительству въ Церкви, въ случаѣ какой либо ненамѣренной ошибки, могутъ находить нѣкоторое ободреніе въ чувствѣ возложеннаго на нихъ долга. Какое извиненіе могутъ имѣть люди, не призванные къ учительству, въ случаяхъ погрѣшеній въ этомъ важномъ дѣлѣ?

Многочисленные примѣры въ исторіи Церкви показываютъ, что люди, какъ оказывалось послѣ, обладавшіе наибольшимъ даромъ учительства, по глубокому своему смиренію, которое есть существенный признакъ истиннаго достоинства, почитали себя наименѣе къ сему способными. Григорій Богословъ, нечаянно восхищенный на каѳедру епископства, отъ овладѣвшихъ имъ смущенія и страха, бѣжалъ въ пустыню. Златоуста, также въ пустынѣ спасавшагося отъ почестей священства, хитростію восхитили на каѳедру епископа. *Избери могущаго иного,* молился Моисей (Исход. 4, 13). *Не вѣмъ глаголати,* взывалъ

къ Богу пророкъ Іеремія (I. 6). Напротивъ, мнѣніе о себѣ, какъ способномъ и якобы свыше призванномъ учителѣ другихъ принятіе на себя учительства вопреки установленному чину и порядку въ Церкви—обличаютъ или непростительное легкомысліе, или увлеченіе гордостію, которая можетъ простереться далеко и получить всѣ признаки гордости сатанинской. Иногда недоученый юноша мечтаетъ: о, что бы вышло, если бы эту церковную каѳедру предоставили ему! Какъ бы онъ вліялъ на эти массы собирающагося въ церкви народа! Но иногда и умные люди такъ увлекаются этою страстію къ учительству, что теряютъ чувство мѣры и самообладаніе, теряютъ способность видѣть и говорить правду и, омертвѣвая духовно. губятъ свои дарованія.

Въ настоящее время мы, съ великою болью въ сердцѣ, видимъ эту ужасающую силу духовнаго ослѣпленія въ нашемъ знаменитомъ писателѣ-художникѣ. Ужели мало было ему тѣхъ лавровъ, которыми увѣнчаны его высоко-художественныя произведенія? Зачѣмъ онъ отрѣшился отъ тѣхъ дивныхъ поэтическихъ образовъ, которые, предносясь уму его, не могли не наполнять его сердца живѣйшими ощущеніями радости и восторга? Зачѣмъ онъ губитъ свой великій талантъ. данный ему отъ Бога—живописать жизнь и людей? Зачѣмъ уродуетъ себя этимъ дикимъ видомъ. этими грубыми выходками, всею этой фальшью своего положенія? Онъ захотѣлъ первенствовать не только въ дѣлѣ поэта-художника, но и въ ученіи религіи, онъ вторгся въ неподручную для себя сферу учительства и взялся проповѣдывать то, чему предварительно не наученъ, чего не понимаетъ, и мощное слово свое и художническую кисть тратить на распространеніе лжи, на гибель себѣ и другимъ, съ настойчивостію изумительною и дерзостію, какой еще не было у насъ примѣровъ. Вотъ какъ обольстительна и опасна эта страсть къ учительству въ Церкви! Бѣда, какъ кто берется за это дѣло Божіе съ жалкими стремленіями къ суетной славѣ

и въ чувствѣ богопротивной гордости. Еще здѣсь на землѣ постигаетъ его, какъ мы видимъ, судъ Божій. А какой судъ постигнетъ виновнаго тамъ за превращеніе благовѣствованія Христова, за соблазнъ, широко сѣемый въ мірѣ, страшно и подумать, если даже такая казнь, какъ опущеніе въ воду съ камнемъ, привязаннымъ къ шеѣ, указывается для него недостаточною. Грѣхи прощаются въ таинствѣ покаянія подъ условіемъ исправленія: грѣхъ соблазна непримѣнимъ къ сему условію. Писатель—противникъ вѣры и церкви—подъ конецъ жизни сознаетъ, что много говорилъ вздору въ соблазнъ другимъ, и самъ хотѣлъ бы исправиться; но какъ онъ можетъ вырвать заблужденіе изъ сотенъ и тысячъ сердецъ, имъ соблазненныхъ, которые въ свою очередь его ядомъ отравили сотни и тысячи сердецъ? И такъ зло растетъ и ширится до страшныхъ размѣровъ. и угліе огненные падаютъ на голову виновнаго. А совѣсть рано или поздно должна пробудиться. Объ извѣстномъ писателѣ Фонъ-Визинѣ читалъ я гдѣ-то, что подъ старость, разбитый параличемъ, онъ пришелъ или былъ приведенъ въ церковь Московскаго университета. Послѣ богослуженія, знаменитаго писателя окружили студенты. Указывая на свою омертвѣвшую руку, онъ сознавался въ грѣхахъ писательства и предостерегалъ ихъ отъ вольномыслія и безвѣрія. Такъ, онъ чувствовалъ потребность снять съ своей совѣсти грѣхъ соблазна, но могъ-ли онъ высказать свою сокрушенную исповѣдь всѣмъ, кто могъ соблазниться его вольнымъ словомъ. А можно ли сравнить этого писателя въ отношеніи допущеннаго имъ вольномыслія съ знаменитымъ писателемъ нашихъ дней?

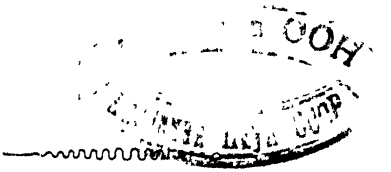
Вольные пророки нашего времени любятъ указывать на слова апостола Павла: «Духа не угашайте, пророчества не уничижайте». Словамъ симъ дается обыкновенно такой смыслъ: Духъ говоритъ не чрезъ однихъ призванныхъ проповѣдниковъ, а и чрезъ другихъ членовъ Церкви; такъ вы, имѣющіе

власть и вліяніе, не препятствуйте симъ, озареннымъ отъ Духа Божія, пророкамъ ихъ вольной проповѣди, не уничижайте ее... Между тѣмъ слова сіи имѣютъ совсѣмъ другое значеніе. Подъ духомъ разумѣется духъ ревности и усердія въ вѣрѣ, съ которою существенно соединяется послушаніе истинѣ, возвѣщаемой Церковію. Не другой въ тебѣ, а ты самъ не угашай въ себѣ этой ревности, этого усердія въ вѣрѣ; тщаніемъ не лѣнивый, духомъ горя, внимай ученію, но при условіи, которое обыкновенно вольными пророками не выясняется, а означается это условіе непосредственно за симъ въ слѣдующихъ словахъ: *вся искушающе, добрая держите.* Такихъ произвольныхъ толкованій много въ статьяхъ вольныхъ пророковъ. Къ счастію, уже ясно виднѣется заря освобожденія отъ той смуты умовъ, которая держитъ насъ около полувѣка, и тамъ и здѣсь начинаютъ устанавливаться истинныя должныя отношенія къ Церкви-Матери.

Досточтимое братство во имя Пресвятой Богородицы возникло одновременно съ возстановленіемъ церковно-приходской школы и приняло ее подъ свое особенное покровительство. Возстановленіе этой школы было однимъ изъ признаковъ обращенія нашего къ Церкви. Послѣ долгихъ шатаній умовъ и сердецъ, такъ живо и съ такою болью напоминавшихъ всѣмъ смутное время Россіи, почувствовалась особая, настоятельная потребность встать подъ сѣнь Церкви, слѣдовать ея матернему гласу, опереться на ея мощную руку, особенно въ столь важномъ дѣлѣ, какъ дѣло первоначальнаго народнаго образованія.

Живо помнится это знаменательное время, для характеристики котораго весьма выразительно слово въ притчѣ о блудномъ сынѣ: *пришедъ въ себе.* Да, и для цѣлаго общества, и для цѣлаго народа бываютъ дни, когда они опомниваются и въ себя приходятъ. Живо помнится и то, насколько мала и ничтожна казалась закваска, которая должна была произвести броженіе и преобразовать, оздоровить нашу начальную наро-

дную школу. Ни учителей, ни учебныхъ пособій, ни сколько нибудь приноровленныхъ къ школѣ помѣщеній, ни средствъ, достаточныхъ къ ихъ содержанію. Одна была надежда: Богъ поможетъ. Церковь вразумитъ и научитъ, вынесетъ это дѣло на своихъ мощныхъ плечахъ. Девизъ возобновленной школы— быть какъ можно ближе къ Церкви, жаться подъ ея матернее крыло. И вотъ, милостію Божіею, нашлись добрые люди, которые, по любви къ Церкви, приняли въ этомъ кровномъ чадѣ ея близкое участіе и поддержали церковно-приходскую школу въ первое ея страшно-трудное время. Она встала теперь на свои ноги и оказываетъ доброе вліяніе и на другія школы. Доброе дѣло С.-Петербургскаго епархіальнаго братства цѣнно для дѣла и какъ примѣръ столицы. Да ниспослетъ Господь съ благословеніемъ и по молитвамъ святителей, стоящихъ въ главѣ учрежденія, свое пренебесное и вседѣйствующее благословеніе и досточтимому братству и покровительствуемой имъ школѣ!



Изъ журнала „Церковныя Вѣдомости“, издаваемаго при Святѣйшемъ Сунодѣ, № 19, 1894 г.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 7 мая 1894 года.
Каѳедральный Протоіерей Петръ Смирновъ.